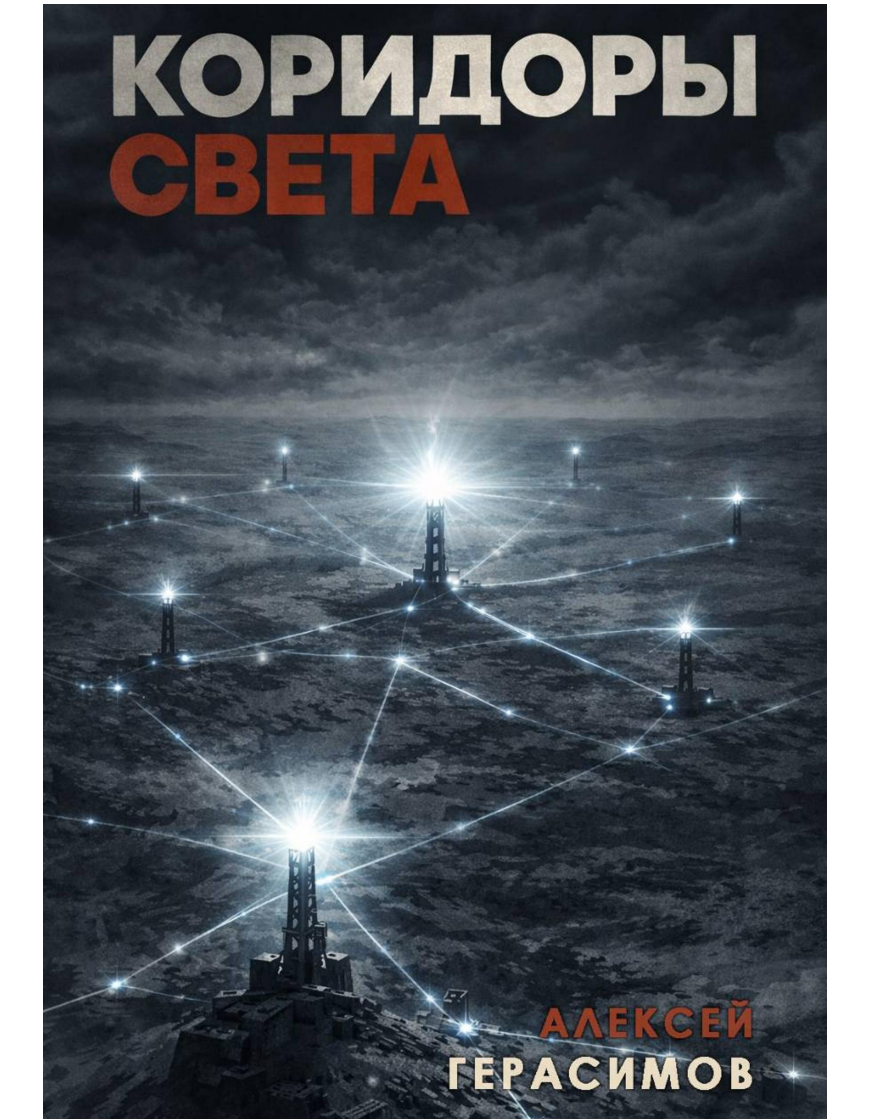

КОРИДОРЫ СВЕТА

An aerial night photograph of an oil field. Several oil derricks are visible, each topped with a bright, starburst-like light. These lights are interconnected by a network of thin, glowing blue lines that crisscross the dark, textured landscape of the oil field. The sky above is dark and filled with heavy, grey clouds. The overall scene conveys a sense of industrial activity and technological connectivity in a remote, dark environment.

**АЛЕКСЕЙ
ГЕРАСИМОВ**

Алексей Герасимов

Коридоры Света

<https://litres.ru/73938136>

SelfPub; 2026

Аннотация

После Пепельного Падения человечество держится только на ритме башен. Сеть световых маяков и навигационных реперов — единственное, что отделяет выживших от пепельного нуля, в котором исчезают люди, грузы и целые поселения. Инженеры, поддерживающие эту сеть, стали последним орденом цивилизации. Без них нет ни связи, ни дорог, ни света.

Тая Климова уже восемь лет держит ритм Маяка-17. Она знает цену каждому импульсу, каждой миллисекунде задержки и каждому слову, которое произносят перед входом в транспортный коридор. Когда командир каравана произносит «верю» и ведёт машины сквозь пепельную бурю, она несёт за это ответственность.

Содержание

Часть 1. Караван в сером нуле	4
Часть 2. Маяк-17	11
Часть 3. Чистые логи	18
Часть 4. Склад из прошлого	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Коридоры Света

Часть 1. Караван в сером нуле

В первую очередь слуха достиг звук, не похожий ни на вой, ни на грохот. Нечто среднее между вязким трением, напоминающим высокочастотный писк, и перемалываемым в «утробе» планеты гравием. С таким звуком очередной пепельный фронт полз по долине. Климова, старший инженер семнадцатого маяка, вслушивалась в эту природную мощь сквозь три слоя стекла диспетчерской и герметичные стены здания. Слушала и считала. Родной маяк пульсировал, как положено, восемь раз в минуту. И пока он продолжал ровно пульсировать, держались остатки их хрупкого мира.

Фронт был близко, а значит, пора было браться за дело. Таисия, которой три дня назад исполнилось двадцать девять, следуя своей примете, натянула перчатку на левую руку. Затем на правую, поправив войлочную ткань на указательном пальце, чтобы тот не скользил по панели. Суеверие? Возможно. Но, за восемь лет работы на маяке, Тая ни разу не срывала синхронизацию именно в этой последовательности.

Пульт перед женщиной пестрел как на празднике. Зелёные огоньки на радиолокационном контуре вспыхивали и гасли в такт вращению антенны над куполом. Слева тянулась лента радионавигационных реперов, демонстрируя ло-

манные линии, которые фронт «жевал» словно старую нитку. Справа отражались графики фаз светосигнальных башен. Жёсткие, словно движения метронома.

Тая постучала ногтем по датчику показателя соседнего узла. Маяк-19 находился на расстоянии сорок пять километров к северу. Его сигнал подтверждения был сегодня подозрительно ровным. Не сильным, не слабым, а... ровным. В такую бурю, когда пепел разносил электростатические помехи по всей поверхности, загубленной человечеством планеты, каждый репер «врал» хотя бы на миллисекунду. Сигнал не мог выдавать столь идеальную синусоиду. Это же физика, а физика не знает исключений.

— Зацени, — инженер толкнула локтем Севку.

Девятнадцатилетний парень в соседнем кресле грыз заусенец на большом пальце. Глазами, ещё не выжженными работой с импульсными венцами, он молча наблюдал за аварийными индикаторами.

— Как тебе фаза у девятнадцатого? — Тая кивнула на график. — На нём совсем нет пульсации. Абсолютно.

Севка наклонился над данными и прищурился. Парень видел чистое, но не понимал причин чистого.

— Может, фильтр какой новый поставили? — предположил Севка. — В прошлом месяце центр обещал...

— Центр всегда обещает, — отрезала Климова. — Вот только фронт не умеет читать обещания.

Она пробежала пальцами по сенсорной ленте, вызвав сы-

рой буфер показаний девятнадцатого маяка. Всё тот же слишком уж идеальный график. Как, если бы система не измеряла датчиками средёу, а уныло цитировала эталонные, теоретические показания. Мёртвая стабильность там, где должна была быть запылённая реальность.

В наушнике Климовой щёлкнул голос Руднева:

— Тая, Нора на подходе к семнадцатому. Через двадцать минут формируется окно для прохода. У тебя как, всё чисто?

Климова бросила взгляд на радар. Плотная, словно войлок, пепельная стена висела примерно в двух километрах на запад. Между ней и башнями оставалась узкая прореха. Временное окно, через которое можно было провести колонну. Если им не воспользоваться, фронт сомкнётся, и Нора просидит в поле ещё минимум трое суток. А фильтры в её вездеходах уже на исходе. Тая знала это после последнего сеанса связи.

— По реперам всё чисто, — ответила Тая. — Но девятнадцатый выдаёт странное... Слишком уж чистый у него лог.

Возникла знакомая пауза. Руднев всегда брал паузу перед тем, как сказать, что собеседнику не понравится:

— Окно закроется через семнадцать минут. Из центра маршрут подтверждают.

— Аркадий, а если девятнадцатый врёт...

— Тогда мы потеряем окно, а следующее, через семьдесят два часа. Ты готова объяснить это Норе?

Тая была к этому не готова. Не потому, что боялась. Но-

ра, как командир колонны, умела оценивать риск так же безэмоционально, как инженер считывает нагрузку на контур. А центр никому не прощает задержек без явной поломки. «Слишком чистый сигнал», не поломка, а лишь подозрение, которое в протоколы не впишут.

— Всё поняла, — сказала Тая. — Встречаем.

Севка шумно выдохнул. Климова, даже сквозь гул вентиляции, услышала облегчение парня, граничащее со стыдом. Тот не любил её споров с Рудневым, опасаясь, что его в них затянут.

Пока Тая следила за реперами, в наушнике ожил голос Норы. Низкий, хрипловатый. Как у всех, кто годами дышал через фильтры:

— Семнадцатый, это Нора. Вижу башню. Идём по оси.

— Принято, — ответила Тая. — Держитесь ритма в восемь ударов. Мы ведём вас.

— Всегда держимся. — Последовала короткая пауза и следом, уже вполголоса, не по протоколу: — Таечка, у тебя всё нормально? Лог показался мне...

— Проблем нет, — перебила Климова. Нельзя было давать Норе и малейшего повода для сомнений. Снова последовало молчание, и следом:

— Лады. Я тебе верю.

Вот это «верю» Тая запомнила и потом ещё долго не могла забыть.

Знак колонны появился на радаре через двенадцать ми-

нут. Три тяжёлых вездехода, набитых фильтрами, катриджами и блоками питания для трёх периферийных поселений. Они уверенно шли по оси, подсвеченной маяками. Каждые пять секунд белый импульс выхватывал из серой мглы тени транспорта. Нора находилась в арьергарде. Командир всегда шёл позади, контролируя колонну. Первый транспорт прошёл нормально. Второй тоже. Третья машина... начала сползать. Мягко, почти незаметно, словно её уводило в сторону невидимой рукой. Туда, где пепельная стена клубилась плотнее всего. Маршрут на пульте оставался открытым. Башни били штатно. Но, отметка третьего вездехода на радаре упрямо дрейфовала к северу.

— Они сходят с оси, — удивлённо произнесла Тая. — Задержка на репере три-ноль-три... три миллисекунды. Пять. Севка, живо подай питание на второй венец.

— Но ведь центр сказал...

— Не центр сейчас держит колонну, а мы с тобой!

Парень дёрнулся к пульту. Над башней стремительно вспыхнул резервный ярус. Тая убедилась в этом по скачку напряжения на индикаторе. Не помогло. Отметка третьей машины качнулась ещё раз и... пропала. Не ушла за край экрана и не растворилась в помехах. Её просто не стало. В ту же секунду замолчал репер три-ноль-три. Сначала он перестал отвечать на запросы, потом затухла его зелёная подсветка. Система будто не ведала ничего ни о третьей машине, ни людях, находящихся в ней.

Тая принялась спешно перебирать каналы, но подсознательно уже понимала, что ищет не сигнал, а подтверждение того, что только что произошло. В наушнике сквозь хрипы помех слышался голос Норы. Командир, на удивление инженера, говорила спокойно. Так говорят, когда понимают, что не успеют:

— ...башни ведут не туда. Семнадцатый, у вас там... — треск, — не туда...

Потом в ушах остался только шум. Белый и плотный, как пепел за окнами. Три секунды, в которых не было ничего, кроме ужаса произошедшего и... тишина.

Тая медленно выпрямилась. Левая перчатка скрипнула по панели. На радаре значился чистый проход. На реперах сигнализировал зелёный свет. Графики фаз: идеальная синусоида, как у девятнадцатого Маяка. Ни единого следа того, что тридцать секунд назад тридцать человек перестали существовать в поле отражаемых приборами координат.

Перед глазами Климовой возник образ Норы. Женщина приезжала на узел месяц назад. После сложного перехода она пила с Таей кипятилок прямо в диспетчерской, не снимая перчаток. Нора показывала на планшете Климовой фото: мальчишка лет семи, держащий поделку из проволоки. Маленькую башню с тремя лучами. *«Представляешь? Клянётся, что когда вырастет, станет инженером, как ты»*, — усмехнулась тогда женщина. Тая не знала, что отвечать на подобное. У неё самбй детей не было. Она лишь смогла про-

бурчать что-то про сложность профессии и натянуто улыбаться.

А теперь этот мальчик находился в третьей машине. Вернее... уже нигде.

— Запиши время, — велела Климова Севке ровным голосом, хотя внутри неё всё бурлило. — Потери: одна единица транспорта, тридцать... Нет, тридцать один человек. Причина: нестабильность среды. Пока что... пусть будет так.

Девушка не стала добавлять «согласно протоколу», потому что протокол ВРАЛ! Севка смотрел на инженера широко распахнутыми глазами. В них уже копился тот самый страх, который Тая знала не понаслышке. Страх перед системой, которая способна тянуть лыбу, даже когда мир вокруг рушится. Она понимала Севку, но жалеть его было некогда.

Пепел громко зашуршал по наружной обшивке купола. Башни семнадцатого Маяка продолжали бить в стандартном ритме. Восемь ударов в минуту. Жёстко, как бесчувственный метроном.

Часть 2. Маяк-17

О том, что наступило утро, обитатели семнадцатого Маяка узнавали по запаху. Искусственное освещение внутри ориентации во времени не помогало. За внешними экранами сутками висела однотонная, серая муть, и разницу между ночью и днём люди улавливали по вентиляции. Чем больше пепел забивал фильтры, тем сильнее она «попахивала». За ночь картриджи успевали «надышаться» этой дрянью, и к утру воздух в коридорах отдавал железным привкусом на языках. Климова вышла из диспетчерской, втянула носом воздух и сразу же поняла, что сегодня придётся посетить ещё и блок с фильтрами.

Тая спустилась на два яруса в жилой уровень, придерживаясь ладонью холодного поручня. Маяк-17 был построен в долине как технический узел. Десять бетонных колец, утопленных в землю. Сверху радарный купол со световым венцом. Внутри мастерские, склад, столовка, отсеки для сна, резервный дизель и насосная станция. В этом месте не проживали в привычном смысле этого слова. Тут удерживали линии, чтобы все башни отбивали нужный ритм, давая караванам шанс пройти по маршруту.

В этот час коридор был почти безлюден. Зато, детвора у входа в столовую в очередной раз разрисовала всю стену мелом. Изображение демонстрировало пять световых башен,

под каждой из которых был виден свой примитивный код. Чёрточки с палочками. Рядом подпись: «угадай Маяк по импульсу». Дети с нижнего яруса, пресытившись классическими прятками, нашли им замену. Они различали маяки по частоте и фазам быстрее, чем взрослые вспоминали их нумерацию. Тая на секунду остановилась, разглядывая изображение семнадцатого маяка. Его снова нарисовали с тремя лучами, хотя рабочий венец выдавал все восемь. Видимо, мелким хватало и трёх, чтобы обозначить свой временный «дом».

В столовой завтракал Руднев и Севка. Перед шефом стояла кружка с бурой жидкостью, рядом валялся планшет с отколотым краем, а сам мужчина выглядел так, словно спал всего часа три. Не больше. Устроившийся сбоку Руднева Севка ел быстро, почти не отрывая взгляд от тарелки. Когда вошла Климова, парень дёрнулся было вскочить, но Тая выразительно махнула рукой, чтобы тот не выёживался с церемониями.

— Пакет пришёл, — сказал Руднев вместо приветствия.
— Из Центрального.

Мужчина подвинул планшет в сторону Таи. Стекло экрана треснуло по диагонали, края изображения слегка потекли, но текст читался. Тая пробежала глазами по сообщению и почувствовала, как внутри медленно зарождается злость.

«Утрата транспортной единицы вследствие нестабильности среды. Маршрутные протоколы подтверждают штатное прохождение. Инцидент закрыт. Рекомендовано

усилить мониторинг реперной сети».

Четыре сухие строчки, в которые уместили тридцать одну душу, тринадцать тонн груза и судьбу трёх поселений, которые останутся без фильтров и блоков питания. А также Нору, что за несколько секунд до входа в окно произнесла на весь эфир: «Верю». Про схлопнувшийся проход в сообщении не было ничего. Про чистый лог Маяка-19 — тоже.

— Быстро дело закрыли, — процедила сквозь зубы Тая, положила планшет обратно на стол. Внутри инженера всё кипело. — Пепел крайней бури ещё по обшивке шуршит, а у них... всё чин чинарём.

— Центр работает по своим срокам, — ответил Руднев. — Если они по каждому каравану неделями бумаги будут жевать, вся сеть ляжет.

— Да пусть жуют что хотят! Я про людей спрашиваю. Тридцать один человек списали за десять секунд!

Севка поперхнулся компотом и закашлялся, прикрывая рот ладошкой. Руднев даже не вздрогнул, только посмотрел на Таю внимательнее, будто проверяя, насколько далеко она сейчас способна зайти.

— Пока мы будем выцарапывать виноватых, поселения останутся без груза, — тихо произнёс он. — Ты сама это видишь. Запас фильтров на две недели, резерва по лентам и того меньше нормы, а северный сектор висит на соплях и честном слове.

— Я вижу другое. Логи подчистили! Либо какой-то хрен

залез в буфер, либо итоговую сводку собрали уже после того, как убрали лишний кусок.

— Докажи.

— Как два пальца... Дай мне доступ к сырым данным от девятнадцатого и немного времени.

Руднев медленно покачал головой. Движение получилось усталым, без начальственного нажима. Так качают головой люди, прокрутившие в голове спор до конца зная, в каком месте собеседник упрётся.

— Климова, я знаю, как ты на всё это смотришь, — сказал он тихо. — Я тоже не вчера родился. Вот только твоя правда не заполнит наши склады. Если ты сейчас начнёшь дрючить центр официальными запросами, нам срежут приоритет по снабжению. К декабрю уже начнём считать свои патроны и молиться, чтобы очередная буря прошла стороной.

— То есть, я должна всё это проглотить?

— Я предлагаю тебе дожить до зимы.

Шеф встал, спрятал планшет в карман засаленного комбинезона и направился к выходу, демонстрируя, что разговор окончен. Однако уже у двери Руднев остановился и повернулся к своим подчинённым. Было видно, что мужчина колеблется, и только спустя десять секунд, напряжённую тишину столовой разрезал его хриплый голос.

— Взгляни на цифры ещё раз, — произнёс Руднев. — Если центр ошибся или срезал кусок логов, это мерзко. Я спорить не стану. Но дальше что? Ты хочешь остановить кори-

дору до полной проверки? Север тогда намертво встанет. Через десять дней там всех посадят на половинные пайки, через месяц получим первые замёрзшие склады. Тогда счёт пойдёт уже не на тридцать душ. Ты готова отвечать за такое решение?

Тая молчала, не отрывая взгляд от стола. Руднев подождал ещё пару секунд и, осознав, что ответа не будет, пошёл к выходу.

— Вот и я не готов, — слышалось из коридора. — Думай как и чем хочешь, только додумывай последствия до конца.

Севка дождался, пока шаги начальника окончательно стихнут, и повернулся к Тае.

— Может, буря и правда оказалась сильнее прогноза? Мы же видели скачки по фазе. Да и реперы гуляли как пьяные.

Голос парня дрожал не от страха, а от неловкости, которая появляется, когда взрослый разговор внезапно лезет в голову не по возрасту.

— Гуляли, — ответила Тая. — Но только не так.

— Я просто... не совсем понимаю. На хрена центру так поступать?

Тая посмотрела на напарника и вздохнула. Перед ней сидел юнец, который ещё верил в простую схему: наверху сидят такие же инженеры, только умнее. У них больше данных, и они обязательно разберутся, если точно донести им картину. Семь лет назад она сама ходила по маяку с той же картинкой

в голове, когда приехала сюда после училища в новом комбинезоне и привычкой верить инструкциям.

— Нора перед заходом в окно сказала мне кое-что, — медленно произнесла Тая. — «Верю». Сказала в открытый эфир, когда колонна уже двинулась. Она шла туда, потому что я держала канал и потому что центр дал подтверждение маршрута. У меня были сомнения, были скачки, был грязный рисунок по реперам. Я пропустила караван, потому что не имела права по протоколу рубить маршрут лишь на одном подозрении.

Севка опустил ложку. Теперь он смотрел на Климову уже иначе. Без прежней уверенности, что существует истина, которую старшие просто скрывают до поры до времени.

— Мы все выживаем в определённой системе, — продолжила Тая. — Она считает тоннаж, километры, ресурс башен, окно погоды и нормы питания. Если один из участков начинает жрать больше, чем выдаёт пользы, его выдавливают из приоритета. Людей во всей этой арифметике нет. Только вес груза, стоимость маршрута, процент прохождений и срок службы оборудования.

— Но это же расчёты. Таблицы. Они сами по себе ничего не решают.

— Когда от этих таблиц зависит весь север, решают ещё как. После Коллапса ЗАСЛОН попытался выстроить распределённую сеть. Чтобы каждая башня могла жить автономно, без общего узла, через который идёт управление. Потом

пришёл кто-то сверху, сконцентрировал управление у себя и пообещал эффективность. Для магистралей это сработало. Крупные узлы получили приоритет, у них цифры красивые. Периферию же начали снабжать по остаточному принципу. Мы с тобой как раз на периферии, если ты позабыл.

Севка долго молчал. Парень смотрел в стол и пальцем гонял по пластиковой столешнице каплю компота. Похоже, он впервые задумался, где именно находится его место в этой цепочке.

— Топай в мастерскую, — сказала Тая, уже спокойнее. — Проверь войлочные чехлы на модулях согласования. Если центр всё-таки скинет новые ленты, придётся быстро подстраиваться, без раскачки. Заодно посмотри картриджи нажилых уровнях. Коридор с утра душный, словно в парилке.

— А ты?

— Я в диспетчерскую. Пошарю в сырых логах, пока их не пригладили.

Севка поднялся, кивнул и вышел, сутулясь больше обычного. Тая осталась одна. В столовой пахло дешёвым концентратом компота и озоном от старого пищевого блока. Климова знала этот запах с детства. Для неё он означал, что станция ещё держится. Башни бьют в нужном ритме, фильтры работают, реперы отвечают, а люди делают своё дело, стараясь не задавать вопросов, которые могут испортить отчёт. Тая же собиралась сделать именно это. Испортить отчёт.

Часть 3. Чистые логи

Воздух в диспетчерской был чуть свежее, чем в коридорах. Где-то под панелью начинал перегреваться стабилизатор, и Тая слышала это по характерному потрескиванию. Однако лезть сейчас туда инженер не собиралась. Уже четвёртый час она сидела перед экраном и разбирала логи последнего каравана. Глаза от напряжения резало, между лопатками тянуло от неподвижности, а возле клавиатуры стояла кружка с тёмным налётом по стенкам. Тая заварила эту дрянь ещё до обеда, потом забыла про неё.

Пепел снаружи бил по радарному куполу сухой мелкой дробью. Ветер гудел через опоры светового венца так ровно, что его никто уже даже не замечал, если не вслушивался специально. На жилых ярусах все давно улеглись, а станция переключилась в ночной режим. Вентиляторы гоняли воздух, где-то внизу всхлипывал во сне ребёнок, в силовом блоке мерно щёлкало реле. Для Маяка-17 – обычная ночь.

Тая гоняла по экрану телеметрию, просматривая радарные отметки, питание узлов, сдвиги фаз, подтверждения реперов и задержки по импульсам. В общей сводке всё выглядело штатно. Расхождения держались в допуске, проход по-прежнему числился стабильным, а маршрут каравана оценивался штатным. По документам система отработала как часы, вот только связь с караваном пропала, и это ломало кар-

тинку.

Климова переключилась на сырой буфер девятнадцатого маяка. Именно его сигнал был подозрительно ровным ещё до аварии, а сейчас это ощущение только усиливалось. В необработанных данных присутствовал обычный мусор. Мелкие провалы, дрожь фаз, помехи на линии и паразитные колебания из-за фронта. Когда буря давит на коридор, реперы всегда привирают по мелочам. Так бывает в реальных условиях. Вот только в официальном отчёте всего этого не было. Там была представлена стерильная картинка, пригодная для закрытия дела.

Тая придвинулась ближе к экрану и увеличила данные перед потерей связи. На третьем репере висели короткие просадки напряжения. За полсекунды до импульса фаза начала гулять, потом линия чуть выправлялась, потом снова неровно пошла. Любой спец, который хотя бы год проработал на башнях, увидел одно: коридор уже начинало вести. Для отмены маршрута этого могло не хватить, спорить здесь можно долго, но для уверенного старта этих данных точно бы не хватило. Отправлять колонну под чистое подтверждение было нельзя.

Она откинулась на спинку кресла и несколько секунд просто сидела, глядя на график. Сомнений больше не оставалось. Лог вычистили аккуратно: сняли все, что делало отчёт живым, после чего оставили ровную версию, удобную для руководства. Такой монтаж всегда выглядит безукоризнен-

но, и это бесило сильнее всего.

Тая полезла в архив запросов системы автоматического подтверждения маршрутов. В нём, за обычными протоколами, обнаружился кусок служебного лога, который не попал в сырой буфер. Тот самый хвост кода, который Тая искала всё это время. Всего семь секунд.

Тая принялась разбирать этот фрагмент по шагам. За полторы минуты до входа колонны в окно, Маяк-19 зафиксировал аномалию. Фаза поплыла на двенадцать миллисекунд. Репер 3-0-3 выдал предупреждение о смещении оси, и система этот сигнал приняла. А вот после этого главного не случилось. Проход не закрыли. Проверив запись ещё раз, медленно, с паузами на каждой строке, Тая выудила причину. Порог критичности за три дня до выхода каравана подняли вручную и сделали это с центрального пульта.

— Вот же дура, — сказала Климова вслух и услышала, как глухо прозвучал в пустой комнате собственный голос. — Ты ведь с самого это подозревала.

Понятное дело, Тае никто не ответил. Лишь решётка на вентиляции скрипнула, в очередной раз щёлкнуло реле, да пепел за стеной продолжал шуршать по металлу. Этого хватило, чтобы злость преобразовалась в простую мысль. Система знала про риски, но маршрут всё равно ушёл в работу. После аварии кто-то сверху убрал из отчёта всё, что мешало закрыть вопрос. В этом деле даже искать чью-то личную заинтересованность было бессмысленно. Хватило чужого ре-

шения, встроенного в настройки три дня назад.

Климова достала из нагрудного кармана пластину для аварийных копий и перебросила на неё все найденные улики: сырой буфер, хвост служебного лога, отметку о поднятом пороге. Потом подчистила свою историю запросов, погасила экран и поднялась. Сидеть здесь дальше не было смысла. Нужно было срочно поговорить с Рудневым, и разговор этот должен был быть предметным.

Она нашла шефа в мастерской. Он сидел на низком табурете перед разобраным климатическим модулем. В руках мужчина держал щуп и вглядывался в данные тестера так, будто в его цифрах отражалось что-то для него новое. На верстаке лежали войлочные чехлы, которые Севка должен был заменить ещё днём. Самого напарника Климовой поблизости не было.

— Аркадий, — произнесла Тая с порога.

Тот даже не обернулся:

— Если ты снова про караван, я своё мнение уже высказал.

— Я нашла подтверждение.

Руднев, наконец, отложил щуп и медленно повернулся. Под лампой лицо мужчины выглядело серым, как у человека, который давно перестал ждать хороших вестей. Тон начальника стал жёстче:

— Что именно?

Тая подошла и положила пластину на верстак рядом с

разобранном модулем.

— Семь секунд перед входом колонны. Маяк-19 словил смещение фазы, репер дал предупреждение, а система этот сигнал приняла. Но, маршрут оставили открытым. Порог критичности подняли три дня назад, с центрального пульта. Я проверила дважды.

Руднев к пластине даже не потянулся. Он посмотрел на Таю, потом перевёл взгляд на стол, потом снова на Климову. Пауза получилась длинная, но в ней, без сомнения, считывалось: новость шефа не удивила. Скорее, доказывала то, что он и без сведений Климовой подозревал.

— Уверена? — спросил он.

— На все сто.

Климов встал, прошёлся по мастерской, задев плечом бухту кабеля, и остановился у стеллажа с модулями согласования. Затем провёл пальцем по табличке с маркировкой: «АО „ЗАСЛОН“, 2043 г.». Эти блоки ещё помнили времена до формирования центра. На станции их держали как запасной язык, которому доверяли больше новых инструкций.

— Я с фактами спорить не буду, — сказал Руднев не поворачиваясь. — Меня интересует другое... Что ты собираешься с ними делать?

— Отправлю наверх. Пусть объясняют.

Шеф хмыкнул почти беззвучно:

— Наверху тебе быстренько объяснят. Сначала назовут произошедшее локальным сбоем. Потом усомнятся в твоём

доступе к данным. Следом снимут нам всем приоритетное снабжение под формальным предлогом. Через месяц мы начнём экономить фильтры. Ещё через месяц станем разбирать старые картриджи для климатических модулей. Потом люди на маяке начнутдохнуть по одному. Ты этого добиваешься?

Тая сжала зубы. Ответ у неё был, вот только лёгким он не казался.

— Я добиваюсь того, чтобы тридцать одну смерть не прикрывали служебкой.

— И это правильно. Вот только твоей пластины не хватит. Центр просто скажет, что это был глюк буфера. Что возник локальный шум или ошибка дешифровки вследствие бури. Они в любом случае отобьются от этого, а нас накажут за длинный нос.

Он отошёл от стеллажа, подошёл к карте на стене и остановился напротив внешней линии.

— Нужны более сильные доказательства. За внешним сектором есть один старый объект, — сказал Руднев, указывая пальцем на точку. — Испытательный узел, закрытый ещё до Коллапса. Там должны лежать эталонные модули, архивные схемы и старая документация ЗАСЛОНа. Если ты притащишь оттуда рабочий эталон или... хотя бы оригинальные таблицы порогов, у нас с ними будет разговор уже на другом уровне.

— А ты там был?

— Был. Но давно.

— Там правда есть вся эта хрень?

Руднев помолчал. Он не любил обещать того, чего не держал в руках в данный момент, и Тая знала это.

— Шанс есть. Достаточный, чтобы рискнуть. Только дорога туда дерьмо полное. Связь за внешней линиейдохнет, а погода в том секторе её хуже, чем по отчётам. Так что, этот вопрос упирается уже не в бумаги, а в то, вернёшься ли ты оттуда живой.

Тая подошла к карте и провела пальцем по вероятному маршруту. Маяк-17, край рабочей сети, потом внешний сектор, следом старый испытательный узел. Дальше начиналась зона, где реперы уже не держали, а все расчёты превращались в гадание на техническом словаре.

— Мне нужен вездеход, — сказала Климова. — И Севка.

— Севка в поле сырой. Он будет тебе больше мешать, чем поможет.

— Вот пусть поучится работать на натуре.

Руднев снял с крюка войлочный чехол и натянул его на модуль согласования. Мужчина действовал машинально, без суеты. Было видно, что Аркадий тянет время, размышляя, до какой степени готов влезть в авантюру.

— Сегодня ты никуда не поедешь, — сказал наконец шеф. — И не вздумай данные в центр сливать! Да и в целом, трепаться об этом не надо даже на маяке. Пока отдохни, а завтра, на свежую голову, вдвоём проверим сводки погоды. Нужно будет поднять карту старых трасс и составить подхо-

дящие окна. На эмоциях, подобные вылазки до добра не доводят.

После этих слов Руднев просто вышел из мастерской. Климова осталась одна среди кабелей, разобранных блоков, войлока и головокругительного запаха припоя. Тая терпеть не могла, когда последнее слово оставляли за собой тоном праведника, но злилась уже гораздо меньше. В одном шеф был прав: с данными из пластины на центр идти было рановато.

Климова ещё немного постояла у карты, разглядывая маршруты, потом убрала носитель в нагрудный карман и вышла к лестнице. На сорок второй ступеньке дети снова намалевали жёлтый круг с лучиками. Эдакий, домашний маяк. Пусть кривой и забавный, но узнаваемый с первого взгляда. Инженер машинально провела пальцем по меловой пыли и улыбнулась.

— Пойду, — пробормотала Тая себе под нос и пошла дальше по лестнице. — Иначе всё это зря.

Часть 4. Склад из прошлого

Климова проснулась от небольшого сбоя в системе вентиляции. Шум воздуха на секунду просел и снова загудел в обычном ритме. Решётка под потолком крохотной каюты сипло чихнула. Тая лежала на узкой койке и разглядывала серые разводы конденсата над головой. Судя по звукам, станция уже просыпалась. В шлюзе хлопнула одна из заслонок. По лестнице кто-то протопал вниз, бухая каблуками. Из столовой донёсся звон посуды.

Тая села, сунула руку в нагрудный карман комбинезона, висящий на спинке ржавого стула, и проверила пластину. Металл был холодный, но от этого спокойнее не становилось. Климова быстро оделась, застегнувшись по самое горло, и натянула перчатки: сначала левую, потом правую. Традиция, собирающая мысли порядок, не помогла. Пришлось снимать и натягивать во второй раз, но липучки опять легли криво.

Руднев уже ждал в диспетчерской. Шеф сидел перед выключенным экраном в кресле Климовой и вертел в пальцах старый модуль согласования с выцветшей маркировкой «АО «ЗАСЛОН»». По лицу мужчины было видно, что спал он в лучшем случае урывками. Если вообще спал. Когда вошла Тая, Руднев поднял глаза, кивнул на табурет у стены и сразу перешёл к делу:

— Я отправил в центр запрос на выезд к объекту. Отказ

пришёл через двадцать минут. Формулировка даже не удивляет. Ресурсов нет, объект второстепенный, наш приоритет — текущая сеть.

Тая села, сложив на коленях ладони, и молча ждала продолжения. Сам отказ её ни капли не удивил. Центр терпеть не мог заброшенные объекты, необоснованные маршруты и вопросы по уже закрытым инцидентам.

— Второй официальный запрос отправлять не буду, — добавил Руднев и достал из кармана сложенный вчетверо лист. — Поедешь без разрешения, если осознаёшь цену поездки.

Он развернул на столе бумагу и подвинул к ней. На листе маршрут, набросанный от руки. Внешний сектор, обход двух плотных пепельных воронок, проход между рабочими реперами и финиш. Старый испытательный узел в сорока километрах к юго-востоку. На полях Руднев проставил пометки: «окно — 2 часа», «репер на 23-м км слегка плывёт», «климатический ресурс — 8 часов при максимальной экономии». Тая пробежала глазами схему и осознала, что маршрут Руднев просчитывал всю прошедшую ночь.

— Значит, ты всё-таки даёшь вездеход? — спросила она.

— Дам. Поедешь на третьей. Старушка конечно, но ещё на ходу. Возьмёшь с собой Сашку, переносной репер, аварийный световой модуль и два климатических картриджа. Я... остаюсь.

Тая подняла вопросительный взгляд на шефа.

— Меня на выезде сразу засветят, — скривившись, пояснил Руднев. — Если центр поймёт, что старший инженер в самоволке, меня снимут в ту же минуту. Узел потеряет приоритет, просядет снабжение, потом начнётся и остальное дерьмо: фильтры, картриджи, пайки. Сама не раз видела, как это происходит на периферии. Я нужен буду здесь куда больше, чем в кабине рядом с тобой.

Шеф отошёл к окну, за которым серые тени рассвета расползались грязными пятнами. Купол над станцией начинал «купаться» в частицах нового пепельного фронта. Руднев долго молчал. Тая понимала, что лучше это молчание не прерывать. Было видно, что решение главный инженер принял, только легче ему от этого не становилось.

— За правдой я не полезу, — тишину диспетчерской разрезал уверенный голос. — Но... мешать тебе тоже не стану. Главное, не перепутай цель. Доказательства нам необходимы ровно затем, чтобы не угробить ещё и всю станцию.

— Я добуду их, — сказала Тая. — Чего бы мне это ни стоило.

— Твоя смерть — самое малое, что грозит нашему Маяку, если ты облажаешься.

Он протянул Тае старый планшет с потёртым по краям корпусом. В его памяти лежали карты объекта: коридоры, складские сектора, отметки по всем старым уровням. Руднев коротко ткнул пальцем на тусклый экран.

— Архивный сектор расположен на третьем уровне, в во-

сточном крыле. Если... перекрытия ещё их не похоронили. На складе могут оставаться эталонные модули и сервисные таблицы. Если раздобудешь живой комплект или... хотя бы заводскую документацию по порогам, этого уже хватит, чтобы хвост центру прижать.

Подготовка к вылазке заняла почти пять часов. В гараже нижнего уровня под запылённым брезентом стоял списанный раритет. Тая стянула чехол, открыла капот вездехода и запустила самодиагностику. Привычный набор проблем: аккумуляторы сели, климатический контур «плакался» на износ, один из датчиков наружного давления почил с миром. Двигатель после трёх холостых попыток всё ж подхватился, а на этом фоне все остальные косяки выглядели вполне удобоваримо.

Когда Тая тащила к машине ящики с инструментом, в гараже появился Севка. Вид у парня был более чем паршивым. Бледный, под глазами круги, губы сухие. Ночь тот явно провёл без сна, и Тая догадывалась почему. Вчерашние разговоры в столовой и мастерской вывернули парню мозги сильнее, чем он сам хотел себе признать.

— Руднев сказал, что я еду с тобой, — проговорил Севка, угрюмо глядя вездеход.

— Тогда руками работай, а не столбом стой, — отрезала Тая и бросила парню чехол с запасными модулями. — Фильтры в поле менял хоть раз?

— Менял... в учебке, на тренажёре.

— Переносной репер по коду синхронизации выставить сможешь?

— Выставляю.

— Вот и чудно. Проверь все крепления, потом лезь в задний отсек. Всё, что болтается, на обратном пути будет нашим с тобой геморроем.

Севка кивнул и пошёл к машине. Двигался парень чуть скованно. Страх из его подсознания никуда не делся, Тая видела это по движениям плеч и тому, как он лишний раз проверял все защёлки. Для первого реального выхода такое поведение было неудивительным. Главное, паники в Севке не видно, а остальное новички добирают в процессе.

Климова обошла вездеход по кругу и проверила гермошвы. Затем сменила забитые фильтры воздухозабора и подкачала шины ручным насосом. Увы, компрессор сдох ещё в прошлом году, став строкой в бесконечно-растущем списке «починить позже». Переносной репер инженер прогнала по тестам три раза. Потом залила в него маршрутные коды маяков и запасные метки. Аварийный световой модуль прицепила себе на пояс. В столовой Тая заказала два термоса с чаем и пайки на трое суток. Хотя судя по расчётам, окно до объекта и обратно планировалось намного короче. Однако за внешней линией все расчёты летели к чертям, и лучше иметь лишнюю банку консервов, чем удобоваримые оправдания, почему ты её не взял.

Руднев спустился в гараж тогда, когда они заканчивали

приготовления. Он осмотрел машину, дёрнул крепление запаски и проверил, как сидит переносной репер. Потом достал из кармана два климатических картриджа и положил их на переднее сиденье.

— Береги их. На обратном пути они могут решить вашу судьбу, — сказал он Климовой.

Тая уже собиралась ответить, когда Руднев добавил, не глядя на женщину:

— Нора была толковым командиром. Я с ней восемь лет проработал.

Этого Климовой хватило. Напутственных речей больше не требовалось. Тая коротко кивнула шефу и повернулась к кабине. Если она сейчас начнёт заикливаться на гибели Норы, то в голову заползут ненужные мысли.

Руднев открыл внешний люк шлюза лично. За воротами висела плотная серая муть. Ветер тянул пыль по бетону, мелкая крошка тут же принялась хрустеть на зубах, хотя вездеход даже не выехал наружу. Главный инженер посмотрел на фронт, потом на часы на запястье.

— У вас меньше часа. Потом коридор схлопнется по прогнозу погоды. Успеете выбраться за линию, у вас будет шанс. Застрянете здесь, развернёт на хрен вместе с машиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.